

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Искусство ТРЕБУЕТ
СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ

Ежи Красовский и Кристина Скушанка начинали в 1955 году, когда возглавили только что открывшийся «Театр Людовы» в Новой Гуте. Сейчас они руководители «Театра Народовы» в Варшаве, первой, по существу, польской сцены. Я спросил у Красовского, какая общественная, художественная логика видится ему в этой тридцатилетней дороге — из «Театра Людовы» в «Театр Народовы».

— Когда Скушанке и мне в 1983 году предложили принять «Театр Народовы», решить на этот шаг было не просто. Но как художник, как коммунист я чувствовал ответственность за судьбу этой сцены. И, кроме того, представлялось, что наши поиски предыдущей поры, наши творческие принципы не будут этой сцене чужды.

— Что вы конкретно имеете в виду?

— Здесь надо немного углубиться в историю. Общеизвестно, что «Театр Людовы» в ту пору, когда мы со Скушанкой там работали, был одним из лучших в Польше. В известной степени это подтвердили наши тогдашние выступления в Париже, в Венеции. А между тем и построение репертуара, и эстетические наши взгляды многим представлялись в ту пору далеко не бесспорными. Новая Гута — рабочий город под Краковом. Его жителями в основном были вчерашние крестьяне, ныне рабочие в первом поколении. Существовало мнение: театр здесь нужен развлекательный, облегченный и упрощенный. Мы этому мнению решительно противостояли, полагая, что с самого начала следует делать серьезный современный театр, проблемный и высокоорганизованный эстетически. Мы хотели приобщить зрителя к нашей театральной традиции с ее условностью, метафоричностью. Оформлял наши спектакли такой крупный и сложный художник, как Юзеф Шайна. И что же? Зрители, не слишком искушенные в театральных тонкостях, нас приняли. Они действительно недавно были деревенскими жителями — значит, свидетелями и участниками народных празднеств, импровизированных зрелищ. Скажем, надевает человек белое покрывало, берет в руку косу, и все знают, что это — смерть. Условность — в основе народного искусства, способов его воздействия. Мне кажется, нас приняли потому, что мы ощутили это и попытались выразить в наших спектаклях.

Потом мы со Скушанкой работали в Варшаве (очень недолго), потом в «Театре Польски» во Вроцлаве и, наконец, в Театре имени Ю. Словацкого в Кракове, который возглавляли до 1981 года. И везде, с большей или меньшей степенью успеха, старались отстаивать те художественные идеи и принципы, которые в Новой Гуте показали свою жизнеспособность и плодотворность. И мы считали, считаем, что именно эти идеи, принципы следует развивать на национальной сцене, сцене «Театра Народовы». Поэтому мы и согласились прийти сюда — при том, что и общая ситуация в нашей культуре была непростой, и театр позиции свои за последние годы заметно утратил.

— И с какой программой пришли вы в «Театр Народовы»?

— Пропаганда лучших достижений польской и мировой культуры, которые помогают зрителю осознать окружающий его мир, себя в этом мире, способствуют созреванию, формированию личности.

— А репертуар?

— Понимаю, сейчас возникнет вопрос о современной пьесе. Но я твердо придерживаюсь убеждения: скидок на актуальность, злободневность делать нельзя. Если современная пьеса не отвечает высоким требованиям национальной сцены, ее не следует ставить. А большая часть наших пьес именно такова. Не хочу выглядеть принципиальным противником современной польской драматургии. Я ставил ее и буду ставить, если найду достойные образцы. Но не надо суррогатов. Пусть в нашем театре преимущественно идет то, что проверено временем, что доказало свою долговечность и именно по этой причине может ответить духовным запросам дня сегодняшнего лучше, чем драматургическая скороспелка. И к тому же уверен: для того, чтобы осмысливать сложнейшие события, нужна определенная временная дистанция. Высказав эти предварительные соображения, отвечу на вопрос о репертуаре. В течение двух лет в постановке Скушанки и в моей постановке в «Театре Народовы» были показаны спектакли по нашим классикам — Словацкому, Богуславскому, Фредро, Норвиду, а кроме этого —

Шекспир, Мольер. Некоторые из этих спектаклей видели ваши зрители во время недавних гастролей «Театра Народовы» в СССР.

— Вы сказали о пропаганде лучших традиций польской и мировой культуры. А какое место занимает в этой программе русская классика? Я видел ваш спектакль «Дядя Ваня» в Театре имени Ю. Словацкого в Кракове. На мой взгляд, это была очень серьезная работа, где чеховский лиризм, настроение и традиционная ироничность польского театра давали интересное соединение, которое «попадало» в современного зрителя, затрагивало какие-то сокровенные струны его души.

— Чехов для меня — очень современный писатель, умный, с чутким, страдающим сердцем, но лишенный каких бы то ни было иллюзий. Его понимание мира и человека мне, например, чрезвычайно близко. Это очень русский писатель, и именно поэтому он поднимается до общечеловеческого звучания. В планах театра — «Чайка». Другой писатель, которым я захвачен уже много лет, — Достоевский. В 1965 году я ставил в собственной инсценировке, в «Театре Польски» в Варшаве, «Братьев Карамазовых». Сейчас на основе опыта прожитых лет собираюсь вернуться к этому великому роману.

Думаю, с 1983 года нам удалось кое-что сделать, но тут случилось несчастье...

— Пожар?

— Да, именно это я имею в виду. Сгорели сцена и зал. На восстановление потребуются несколько лет.

— Как же складывается жизнь?

— Нелегко складывается. 12 вечеров в месяц нам предоставляет сцену «Театр Драматичны». Но это, конечно, не выход ни для нас, ни для нас. С сцены, наверное, получим в наше распоряжение одну из варшавских сцен. Возможно, это будет «Театр на Воли».

— Но ведь это маленький театр... По сравнению с «Театром Народовы», конечно.

— Что подлаешь. Но все-таки будет своя постоянная сцена, где мы хозяева, а не гости. А пока ездим по стране, побывали уже в 12 городах, где показывали 6 спектаклей, составляющих сейчас репертуар театра. Теплый прием, зрительское сочувствие очень помогают пережить трудные дни. Год убедительно продемонстрировал волю всего коллектива к работе и к жизни. Наши артисты, которые до этого были в положении лучше, чем многие другие, и которые попали теперь в условия непривычные, неудобные, тяжкие, оказались поистине самоотверженными в своей преданности театру, делу национальной культуры.

— Вы упомянули о гастролях в Советском Союзе, которые состоялись в 1984 году. Ведь это не первый ваш приезд в нашу страну?..

— Далеко не первый. Были краткие, были длительные. В 1969 году в Москве в Театре имени М. Н. Ермоловой ставил «Месть» Фредро, в 1976 году в Киеве в Театре имени Ивана Франко «Мнимое чудо, или Краковцы и горцы» Богуславского. Сейчас «Театр Народовы» завязал дружеские отношения с Театром имени Евг. Вахтангова. Видимо, в ближайшее время Евгений Симонов поставит у нас одну из пьес русского классического репертуара.

Обстановка в мире сложная и тревожная, необходимы общие, совместные действия, чтобы сохранить мир на планете. Перед нашей и перед вашей страной стоят задачи, решение которых требует сосредоточенности, ответственности, огромного напряжения сил.

Что в этих условиях, обстоятельствах может сделать художник? Конечно же, включиться в общую работу, стараться выразить своим искусством дух, суть, устремленность времени. Театр для сиюминутной пропаганды не годится, у него иные задачи, но выпасть из эпохи, из времени он не имеет права, тогда он перестает быть театром, перестает быть искусством. И очень важно не заниматься околотеатральной суетой, а постоянно помнить, что в искусстве плодотворны углубленность, сосредоточенность, верность себе.

К. ЩЕРБАКОВ.

ВАРШАВА.